

Тайна 42-го километра

АЛЕКСАНДР СЕМЁНОВ

Вот Чижиков пишет: «Лето 1956 года было жарким...»

Так это конечно! Если в Москве сидеть — будет оно жарким!

А мы-то были на даче. Снимали что-то вроде сарайчика с окном. «Мы» — это старший брат Миша, наша мама и я.

Хотя в основном мы сидели на участке, скучно нам с братом не было. На заросшем яблонями, вишней и травой участке был расчищен пятачок, на котором происходили ожесточённые футбольные баталии «один на один» и захватывающие соревнования по прыжкам в длину с качелей. Причём последний вид спорта имел три подвида: прыжки с одного качка, с трёх качков и с пяти. С одного качка побеждал всегда брат. Он был на пять лет старше меня и имел более длинные ноги. С пяти качков победа была всегда за мной — я был намного легче и улетал в немыслимые дали. А вот за первенство в прыжках с трёх качков шла бескомпромиссная, беспощадная борьба.

Ещё, продираясь сквозь кусты, устраивали по участку кросс на велосипеде на время. Конечно же играли в прятки. Но самым главным для нас была ИГРА В ПУГОВИЧКИ.

Сейчас мало кто знает, что в небогатое послевоенное время эта игра была очень популярна. Суть её заключалась вот в чём.

На расчерченном под футбольное поле большом листе картона устанавливали сделанные из проволоки, примерно 5 на 2,5 см, ворота. Игроками были специально обточенные напильником до определённого размера пуговицы. Крохотный, миллиметра в два, мяч лепился из мя-

коти чёрного хлеба. Если специальной большой пуговицей — «тренером» — нажимали на край пуговицы-игрока, та двигалась и била по мячу. Всё слишком долго объяснять, но игра была захватывающей. Проводились первенства двора, класса, школы. Многие, уже став взрослыми дядями, продолжали резаться в «пуговички». Вот и ваш покорный слуга и его великовозрастный брат — студент «Бауманки» — часами выясняли отношения в этой игре.

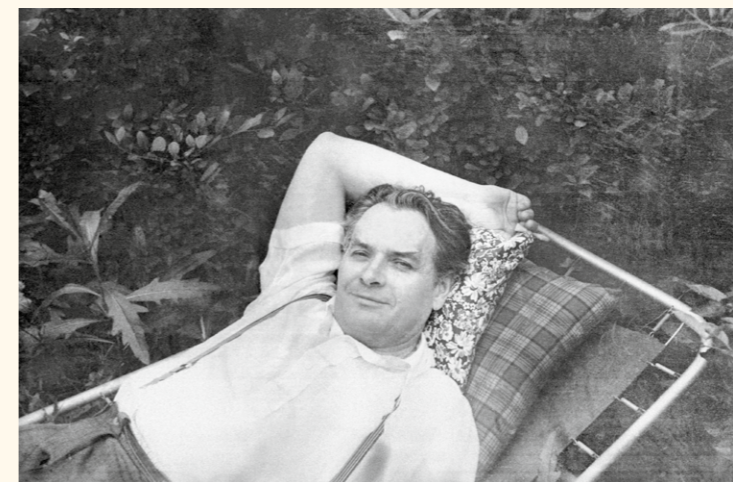
Мне скоро должно было стукнуть пятнадцать лет, и я к тому времени уже увлекался простеньким сочинительством и немудрящим рисованием — классные стенгазеты, то, сё... Поэтому наш сарайчик был увешан плакатами с доморощенными стихами вроде:

Всё это время — в течение вечности —
Все вытирали у двери конечности.
Запомни две строчки от «Я» до «А»:
Чисты твои ноги — и совесть чиста!

Это была реакция на возмущённые призывы нашей мамы:

Июль 1956 года. На крыше козырька над входом в наш сарайчик — ваш покорный слуга. Сзади висит кусок рельсы, по которой я только-что ударил палкой 12 раз и провозгласил: «сорокодвухкилометровое время двенадцать часов». Снимок брата Миши.

25 июля 1956 года. «Платформа 42-й километр». Вишня уже давно созрела и скоро закончится. Мысль в глазах отца уже созревает. История «Весёлых картинок» скоро начнётся. Это я сам сфотографировал.

— Да куда ж вы опять грязными ногами в комнату пошли!

Ещё я был единственным автором и художником рукописного журнала, который сам и выпускал. В нём публиковалась жутко занудная научно-фантастическая повесть, рассказы под Антошу Чехонте, только совершенно не смешные, шутливые советы и информационная страница «Вести 42-го километра». «Платформа 42-й километр» — так называлась станция, до которой мы доезжали из Москвы на электричке.

Имел журнал и примечательное название, которое, по некоторым соображениям, сообщу позднее. Вышло всего два номера, поэтому в историю издание не вошло. Но возможно, ещё войдёт — как раз из-за своего названия.

И вот 25 июля того самого 1956 года... Откуда такая точность? Да потому, что это был день рождения сразу моей мамы и мой. Мы с ней в один день родились. Только в разные, как вы сами понимаете, годы.

...Так вот, 25 июля к нам приезжает отец, Семёнов Иван Максимович, — он к тому времени был весьма известным художником-карикатуристом в «Крокодиле», иллюстрировал Джерома К. Джерома, О. Генри и многие другие книги. Сейчас-то вы его, возможно, знаете как основателя и главного редактора «Весёлых картинок», но

тогда журнала ещё не существовал и отец приехал как простой Народный художник СССР.

За праздничным столом он рассказал нам, что предложил в ЦК комсомола выпускать детский юмористический журнал. Сделан макет, разработаны основные идеи, и в начале августа в ЦК соберутся художники и ЦКовское руководство и будет принято решение о его выпуске. Вот только название журнала ещё не придумано.

— А я тоже выпускаю журнал! — радостно воскликнул я и притащил два выпуска со своими опусами. Я принёс их, и, смею заметить, журнал назывался...

«ДАЧНЫЕ КАРТИНКИ».

После обильного застолья и умеренного возлияния отца уложили на раскладушке отдохнуть среди вишен. Сейчас я вглядываюсь в фотографию, на которой отображён этот момент, вижу, что отец чрезвычайно доволен и что какая-то мысль сквозит в его глазах.

Я, конечно, ни на что не претендую, но думаю, что здесь увековечен миг рождения названия журнала —

«ВЕСЁЛЫЕ КАРТИНКИ».

Во всяком случае, именно такое название предложил отец на заседании.

До чего приятно чувствовать себя таким прародителем, отцом-основателем названия знаменитого издания! Как упоительно вдыхать аромат лаврового венка, венчающего твою голову!

М-да... Вот только... Как бы это выразиться...

Название «Дачные картинки» я слямзил у своего приятеля, который до меня выпускал свой журнал именно под таким названием. Этот приятель — Максим Жуков — был сыном знаменитого политического обозревателя того времени Юрия Жукова, члена ЦК.

Вот такие пироги.